

СИСТЕМА ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ТРУДАХ ПРОФ. Б.Н. ГОЛОВИНА

Г.М. Грехнева

Нижегородский госуниверситет

Научное наследие профессора Б.Н. Головина обширно, тематически очень разнообразно. Грамматика и словообразование, учение о культуре речи и лингвостатистика, функциональная стилистика и терминоведение, прикладная лингвистика и общая теория языка — все эти области лингвистического знания были в сфере его научных интересов, в каждой из них он оставил заметный след. При всем тематическом разнообразии его работы концептуально едины, воспринимаются как изложение целостной концепции языка. Универсализм и концептуальная целостность — эти два важных достоинства научного наследия Б.Н. Головина взаимообусловлены. Его научная деятельность — замечательный пример взаимодействия общетеоретических и конкретно-лингвистических исследований. В век научной специализации особенно ценны (при этом редки) исследователи, способные на основе имеющихся знаний об отдельных сторонах явления развивать и углублять общие представления о нем. Таким ученым был Борис Николаевич Головин. Естественным интегратором его исследований была общая теория, глубокий и устойчивый интерес к которой сопровождал всю его научную деятельность. Четкость и определенность теоретического видения языка сделали плодотворными работы ученого в самых разных областях лингвистического знания. В свою очередь, эти исследования уточняли, конкретизировали его теоретические представления, рождали новые идеи.

Лингвистические воззрения Б.Н. Головина опираются на лучшие традиции отечественной науки. Идеи Д.Н. Овсянко-Куликовского, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна да Куртене, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы, А.М. Пешковского и, конечно, его учителя В.В. Виноградова стали методологической основой самостоятельной лингвистической концепции ученого.

Тематическое разнообразие и общетеоретическое единство его работ создают как бы особую «лингвистику Головина», в которой на основе четкой системы общетеоретических представлений описаны важнейшие стороны языка как «знакового механизма общения». В этой «лингвистике» не только определены важнейшие теоретические параметры системного описания языка, но обозначены и представления ученого о том, каким должно быть в идеале здание современной лингвистики. Структурные параметры этого здания он показал, например, представив структуру научного синтаксиса (каким он должен быть при достаточной полноте описания). В предложенной модели научного синтаксиса выделено в соответствии с аспектом анализа десять «уже сложившихся (или еле-еле намеченных) вариантов учения о синтаксисе современного русского языка» [7, с. 16–21] от «конструктивного» до «прагматического».

Аспекты изучения как структурные параметры предложенной модели описания выявляют систему теоретических приоритетов ученого.

1. Теоретически наиболее существенным для Б.Н. Головина было четкое, непротиворечивое видение всей системы словесного общения и выделения в ней конкретного объекта лингвистической науки. Понимая словесную коммуникацию

в целом как систему разноприродных явлений, он осознавал двуединство языка-речи центральным звеном этой системы и именно его считал объектом лингвистики.

Б.Н. Головин видел в разграничении языка и речи не отвлеченную идею, а отражение наиболее существенного свойства языка, самого способа его бытия. Ученый много сделал для уточнения этого разграничения, для того, чтобы оно вошло в практику лингвистических исследований. Определения языка и речи, предложенные Б.Н. Головиным, реализуют его понимание языка как знаковой системы, функционирующей в двух коммуникативных состояниях.

«Язык — это совокупность и система знаковых единиц общения в отвлечении от языкового материала, в их коммуникативной готовности; это знаковый механизм общения; речь — это последовательность (взятых из языка) знаковых единиц общения в конкретном языковом материале, в их коммуникативном применении» [2, с. 21].

Очень существенным в общетеоретических представлениях Б.Н. Головина является понимание обеих сторон двуединства язык-речь объективно реальными. И если по отношению к речи это признается практически всеми, то язык как коррелят речи нередко характеризуется так, что объективная реальность языковой системы не всегда очевидна.

Б.Н. Головин постоянно подчеркивал объективность языка, его единиц и категорий, предостерегал от опасности в процессе изучения подменить реальный объект системой научных представлений о нем: «Язык объективен и реален в своем материально-идеальном «естестве» ... утверждения о том, что язык, его структура и система, его единицы и категории не что иное, как абстракции и конструкты, несут на себе печать методологической двусмысленности и нечеткости, допускающей, будто объект лингвистической науки конструируется самой наукой [4, с. 22].

Б.Н. Головин определяет язык-речь именно как двуединство, как два коммуникативных состояния единого механизма общения.

Каждое из этих определений, фиксируя лишь одну сторону двуединого объекта лингвистики, дополнительно по отношению к другому, их нельзя рассматривать в отрыве друг от друга, что иногда делается.

Определение языка как механизма общения «в состоянии коммуникативной готовности» (т.е. в потенции) иногда необоснованно воспринималось как отрицание реальности и объективности языковой системы. Оно, например, комментировалось в том смысле, что здесь «язык отрывается от его функционирования», а «реальность бытия закрепляется за речью» [9, с. 5].

Этот упрек звучит весьма странно по отношению к ученому, который неоднократно (иногда — весьма резко) возражал как раз против утверждений (бытующих и сейчас), что язык как коррелят речи представляет собой конструкт, что он недоступен непосредственному наблюдению. Вот одно из таких энергичных возражений:

«Итак, язык — «черный ящик», он не поддается непосредственному наблюдению. Трудно поверить, что все это говорится всерьез и от имени науки — надо думать, и отечественной. От Ломоносова до Виноградова можно назвать имена многих выдающихся филологов и лингвистов, для которых азбучной истиной было признание реальности и наблюдаемости языка, его единиц, категорий, связей и отношений между ними. И разве не единицы и категории языка описываются в толковых словарях и грамматиках? Разве не языковые реальности осмысливаются

и показываются в труде В.В. Виноградова «Русский язык»? Конечно, никакое индивидуальное «лингвистическое сознание» не может охватить систему языка в целом... Но ведь это не может служить основанием для утверждения о ненаблюдаемости самого языка, который, кстати, стоит не «за» речью, а находится в ней, образует ее» [4, с. 22].

Таким образом, Б.Н. Головин видит реальность бытия языковой системы в самом факте существования речи, и это отражено в его определении речи.

Между языком и речью, действительно, существуют отношения потенции (язык) — реализации (речь). Обозначено это и в дефиниции Б.Н. Головина («в коммуникативной готовности» — «в коммуникативном применении»). Язык как система единиц, предназначенных для общения, потенциален по отношению к речи будущей. Но в этих определениях выражен и другой тип отношений между языком и речью: реализованная система (речь) — обобщающее отражение этой системы (язык). Потенциальный по отношению к речи будущей, язык не что иное, как обобщающее отражение созданных речевых произведений, где языковая система уже реализована. Язык существует в речи, и именно поэтому он может быть отвлечен от нее для образования новых речевых произведений.

С утверждением, что язык не доступен непосредственному наблюдению, действительно, трудно согласиться. Сама возможность овладения языком через речь говорит о том, что единицы языка и его структура даны в речевом опыте, принципиально наблюдаемы и познаваемы. По-видимому, в этом утверждении выражена другая мысль (вполне справедливая) — язык не существует как отдельное явление. Он дан воспринимающему сознанию в единстве с неязыковыми проявлениями (отраженной действительностью, выраженной мыслью). Именно по этой причине существует в лингвистике проблема объекта.

Реальная двойственность языка как системы общения (двуединство языка-речи) должна, по мнению ученого, быть выявлена гносеологически. Вот почему, моделируя научный синтаксис, он каждый из десяти аспектов его изучения удваивает, различая языковой и речевой подходы. А между тем в современной науке лингвистика речи существует лишь как изучение функционирования, а, например, речевой аспект самого языка как двуединого механизма общения практически не изучается. Например, наши последние академические грамматики («Грамматика» — 70, «Грамматика» — 80) остаются по существу описаниями системно-языковыми.

2. В работах Б.Н. Головина проблема объекта лингвистики конкретизирована как проблема разграничения языкового (лингвистического) и неязыкового (экстралингвистического). Система словесной коммуникации, включающая все, что связано с общением, шире, чем непосредственный механизм общения (язык-речь). Язык и речь в разноприродной системе словесной коммуникации взаимодействуют с ее неязыковыми сторонами — с психофизиологической по природе речевой деятельностью (иногда ее обозначают термином «речь») и выражаемой неязыковой информацией. Здесь возникает проблема лингвистического понимания речи и проблема нелингвистичности текста.

Распространенное в лингвистике процессуальное понимание речи Б.Н. Головин считал правомерным только в том случае, если речь рассматривается при этом не как часть двуединства язык-речь, а как речевая деятельность. Речь же как коррелят языка представляет собой не процесс говорения и понимания, а предметный результат этого процесса — значимую последовательность языковых единиц. Именно эту последовательность и вошедшие в нее единицы изучает и

должна изучать лингвистика. Процессуальное понимание речи нелингвистично. Это неоднократно подчеркивал в своих работах Б.Н. Головин. Отметим, что словари лингвистических терминов, к сожалению, до сих пор определяют речь именно как процесс говорения и понимания, то есть нелингвистично [1, 12, 14].

Неразличение речи и текста, признание текста в целом объектом лингвистики Б.Н. Головин справедливо считал опасным теоретическим заблуждением.

По мнению ученого, текст, как продукт не только собственно речевого, но мыслительного процесса, представляет собой единство языкового и неязыкового. Ведь именно здесь результаты индивидуального акта сознания формируются и выражаются с помощью единиц языка, точнее, с помощью значений этих единиц, значений общих, типовых, одинаковых (в определенных пределах) для всех членов языкового коллектива.

Текст, как сложное явление действительности, оказывается объектом изучения разных наук, а потому понятие «текст» при единстве предметной отнесенности может и должно быть разным в зависимости от объекта изучения. Лингвистический объект изучения текста состоит в познании механизма формирования и выражения его содержания (смысла) с помощью значений языковых единиц, вошедших в речевую цепочку текста. Вот почему единство языкового и неязыкового в аспекте лингвистическом — наиболее существенный признак текста. А между тем в современных определениях он не включается в состав понятия «текст». В дефиниции же Б.Н. Головина этот признак центральный.

«Текст — это словесное, устное или письменное, произведение, представляющее собой единство некоторого более или менее завершенного содержания (смысла) и речи, формирующей и выражающей это содержание» [6, с. 14].

Лингвистичность этой дефиниции еще в том, что в нем понятие «текст» определено через базовые понятия лингвистики — понятия «язык», «речь». Определение устанавливает отношение речи к тексту как отношение формы к содержанию. Речь как значимая последовательность языковых единиц создается для того, чтобы сформировать и выразить определенное содержание (информацию). В единстве с этим внеязыковым содержанием речь и составляет текст.

Таким образом, речь существует не как отдельное явление, а как вербальная форма текста. Это, по-видимому, является главной причиной неразличения речи и ее предметном понимании и текста.

Вслед за В.В. Виноградовым и А.И. Смирницким, в свою очередь, опиравшихся на идеи А.А. Потебни, Б.Н. Головин настойчиво подчеркивал, что содержание, смысл текста не принадлежит языку, оно лишь формируется и выражается с помощью языковых значений.

По мнению Б.Н. Головина, признание текста в целом языковым феноменом означает «полную потерю теоретических представлений о границах языка как особой системы общения». «В самом деле, — рассуждает ученый, — если любой текст — компонент (единица) языка, то что же собою представляет язык? Совокупность и систему текстов? Коммуникативную деятельность? Процесс общения?.. Любой из этих ответов совершенно не позволяет понять, как, из чего строит человек новые и новые тексты, выражающие новые и новые смыслы... Не текст является единицей языка самого высшего его уровня, а единицы языка участвуют в построении текста, в формировании и выражении его смыслового содержания [3, с. 7].

3. Проблема разграничения языкового и неязыкового в системе общетеоретических представлений проф. Б.Н. Головина связана также с разграничением двух

разных видов «идеального» в системе словесного общения. Неязыковое «идеальное» как информация о действительности (в широком смысле) в процессе общения оказывается соотношенным с идеальной стороной языковых единиц, с языковыми значениями. Возникает необходимость «различать значение, семантику языковых знаков и смысл текста» [6, с. 38]. Как пишет ученый, «смысл текста — конкретная информация (логическая, эмоциональная, эстетическая и иная), выраженная речью и при ее участии сформированная в сознании человека [6, с. 14].

Б.Н. Головин стремился терминологически закрепить различие языкового и неязыкового идеального. Он очень последовательно разводит термины «языковое значение», «языковая семантика», «семантика (значение) языковых единиц», «семантика речи» как обозначение идеальной стороны языковых явлений и термины «смысл текста», «содержание речевых произведений», «информация» как обозначение неязыкового «идеального». Следует отметить, что в современной семантике разграничение языкового и неязыкового «идеального» отсутствует, что отчетливо видно в использовании указанной выше микросистемы терминов [см., например, 13, с. 10].

Серьезным теоретическим достижением Б.Н. Головина является его теория значения. В определении природы значения Б.Н. Головин исходил из идеи В. Гумбольдта и А.А. Потебни. Преемственность заметна в понимании функции языковых значений (средство возбуждения работы индивидуального сознания), в понимании природы значения как ассоциативной связи двух отображений — отображения предмета и отображения звуковой оболочки слова, в определении характера соотношения значения слова и понятия, в понимании единства, но не тождества слова и мысли. Но если А.А. Потебня использует идею ассоциативной природы мышления для объяснения процесса образования значения слова, то Б.Н. Головин через эту идею определяет его.

Для развития современной семантики представляется существенным предложенное Б.Н. Головиным разграничение субстанционального (природа значения) и функционального (функция значения) подходов к определению значения, что в известной мере снимает трудности соотношения друг с другом существующих определений значения.

Рассматривая в плане функциональном значение как способность языковой единицы нести информацию не о себе, а о других объектах, Б.Н. Головин считает, что значением обладают единицы всех уровней языковой системы (в том числе и фонемы). При этом, по мнению ученого, качественная определенность и своеобразие единиц разных уровней проявляется в специфике их значений, а также в особенностях формального выражения этих значений.

Считая, что подлинно научное изучение языковых значений невозможно без построения их типологии и что «типологическое описание значений словесных знаков должно опираться не на одно, а на несколько оснований» [2, с. 130], Б.Н. Головин четко определяет классификационные основания (их шесть), на основе которых строит типологию, обладающую высокой объясняющей силой. Она, с одной стороны, опирается на существующие типологии, интегрируя их в рамках строгой и четкой классификации, а с другой, выдвигает новые типологические основания, как представляется, очень существенные для понимания значения и его видов.

Новым, например, и очень важным для теории значения является такое типологическое основание, как источник выражаемой в знаке информации. Действительность, сознание и сама языковая система как три источника этой информации

дают основания для различения трех видов значений: объектных, субъектных и структурных. Это основание дается в типологии первым, значит, ученый признает его наиболее существенным. И действительно, если функция значения в том, чтобы участвовать в формировании и выражении информации, то тип, характер значения, естественно, зависит от того, какова эта информация, из какой системы она приходит. Выделение структурного (можно системного. — Г.Г.) типа значения как несущего информацию о языковой системе (быть элементом системы и не нести информацию о ней невозможно) позволяет считать знаками все единицы языка, в том числе и фонему. Утверждение, что фонема не знак, так как она не обладает значением, неверно. В этом утверждении скрыто другое: фонема не имеет и не может иметь таких значений, которые есть у единиц, привычно называемых значимыми, то есть значения объектного и субъектного, ради выражения которых в принципе и существуют вся система словесной коммуникации. Например, «фонема с известной вероятностью выражает информацию о том, какая фонема за ней может последовать» [2, с. 132] — структурное значение.

Рассматривая в плане функциональном значение как способность языковой единицы нести информацию не о себе, а о других объектах, Б.Н. Головин считает, что значением обладают единицы всех уровней языковой системы.

Очень важным является и второе типологическое основание классификации значений: «структурный тип единицы языка, являющейся носителем информации» [2, с. 131].

Значение — вторая, «идеальная» сторона единицы языка, и оно различно в единицах разных языковых уровней. «По носителю информации можно различать значения фонем, значения морфем, значения слов (лексические значения), значения морфологических классов слов и морфологических категорий, значения синтаксических категорий. Пока наука занималась и занимается по преимуществу лексическими значениями, имея очень смутные сведения об остальных» [2, с. 131]. Здесь теория значения, разработанная Б.Н. Головиным, соотносится с его представлениями о единицах языка и об уровнях языковой системы. Словообразовательный тип и грамматическая категория — понимание их как единиц словообразовательного и грамматического уровней получило убедительное обоснование в работах ученого. Соответственно убедительно обоснована специфика лексического, грамматического и словообразовательного значений. Особое внимание ученый уделял природе грамматического значения. Противопоставление лексического и грамматического значений как значения вещественного и формального, по его мнению, не выявляет подлинной их разницы. И само это противопоставление объясняется слабой изученностью грамматического значения по сравнению с лексическим, непониманием специфики грамматического значения. «Слово номинативно. Грамматические же значения, отвлекая от слов и стоящих за ними явлений какие-то отдельные их признаки, всегда ведут наше мышление к классам, большим рядам, совокупностям явлений мира, и поэтому грамматические значения не называют вещи и отношения между ними, но обозначают общие контуры, общие очертания их классов, рядов, совокупностей... Видимо, этим объясняется, почему и в лингвистике прошлого, и в лингвистике наших дней многими учеными грамматические значения признавались формальными, противопоставлялись лексическим значениям — вещественным, реальным... Теперь обнаруживается, что такой взгляд неверен: грамматические значения также обращены к реальному миру и миру человеческого сознания, но из-за своей специфики жестко и успешно сопротивляются попыткам изучающих язык это увидеть» [7, с. 24].

Особенно трудно, считает Б.Н. Головин, осознаются значения синтаксические, да и само «понятие синтаксического становится расплывчатым и неопределенно широким» [2, с. 138].

Проблема выделения собственно синтаксического, его отграничения от других сторон языковой системы возникает потому, что единицы и категории досинтаксических уровней реализуются, в конечном счете, в конкретных высказываниях. К тому же синтаксические единицы тесно сопряжены с единицами мышления, что вызывает проблему разграничения синтаксических и логических категорий.

Описание системы собственно синтаксических значений занимает большое место в последней работе ученого «Основы теории синтаксиса современного русского языка».

4. Умея четко видеть тенденции развития лингвистики и ее наиболее актуальные задачи, Б.Н. Головин не раз оказывался среди первооткрывателей научных направлений.

Современное развитие коммуникативного направления, ориентированное на непосредственное изучение языкового функционирования, осознано в лингвистике как «смена парадигмы», как «переход со структурной модели языка к коммуникативно-функциональной» [10, с. 76].

В работах Б.Н. Головина разрыва системного и функционального аспектов никогда не было. Идеи **системности** и **функциональности** как две центральные идеи лингвистики 20 века в его работах постоянно взаимодействуют. Это взаимодействие находим в 1) общем видении языка, в определении составляющих словесной коммуникации; 2) в понимании характера языкового существования; 3) в понимании взаимоотношений языка с внешними по отношению к нему системами действительности и сознания.

Глубокое, четкое и непротиворечивое видение языка и всей системы словесной коммуникации сделало взгляды Б.Н. Головина в значительной степени независимыми от доминирующей научной парадигмы.

Считая, что изучение языковых единиц вне конкретного их функционирования не выявляет механизма общения в его реальных свойствах, Б.Н. Головин уже в определении основных составляющих словесной коммуникации закладывает функциональный аспект. Одним из важнейших достижений ученого является система определений терминов, номинирующих основные слагаемые словесной коммуникации (язык, речь, речевая деятельность, текст, смысл текста).

Удивительно точно выбрано слово механизм в определении языка (см. выше). Механизм предполагает составляющие его части и их организацию — системный аспект; но механизм предназначен для работы, деятельности. Механизм общения и его единицы определены при этом как знаковые. Быть знаком — природная функция языковых единиц, и знаковость как категория функциональная входит в понятие «язык» вместе с категорией системности.

Восприятие языка в единстве его системных и функциональных свойств было абсолютно последовательным. Оно касалось и понимания самого языка как целостного механизма общения, и его взаимодействия с сознанием и действительностью.

Б.Н. Головин уделял большое внимание изучению элементов системы — языковых единиц разных уровней. Диапазон здесь огромный. Предметом его внимания были и **лексические единицы**, и **единицы словообразовательного уровня** — общетеоретические понятия словообразования, монографическое исследование внутриглагольного приставочного словообразования, и **грамматические**

единицы — определение грамматической категории, предложенное ученым в 50 гг., стало общепринятым в лингвистике, цитируется нередко без ссылки на автора. В морфологии Б.Н. Головиным изучены категории вида и залога, в синтаксисе — словосочетание (его понимание словосочетания как результата межуровневой синтагматики очень убедительно, но, к сожалению, почти не реализуется в современной синтаксической науке), члены предложения, общие грамматические категории предложения — коммуникативность, предикативность, модальность (все три категории определены четко, непротиворечиво и во взаимных связях друг с другом). Отметим, что категория коммуникативности не выделяется в современном синтаксисе, а между тем, как убедительно показано в работах Б.Н. Головина, именно эта общая категория предложения вместе с категорией модальности — обязательный признак предложения как коммуникативной единицы.

Отдельно следует отметить вклад Б.Н. Головина в изучение терминологии: это и общетеоретические аспекты терминоведения, и конкретный анализ многих лингвистических терминов.

Существенное место занимают в трудах Б.Н. Головина специальные проблемы и аспекты языкового функционирования: изучение стилей языка и речи (общетеоретическое и конкретно-практическое); изучение качеств речи как ее объективных коммуникативно значимых свойств; изучение функциональных аспектов терминологии. Для исследования и описания языкового функционирования Б.Н. Головиным был разработан вариант вероятностно-статистической методики («Язык и статистика», М., 1971), достаточно строгий, чтобы обеспечить корректный количественный анализ языка, и вполне доступный филологу.

Системные и функциональные исследования Б.Н. Головина не просто сменяют и дополняют друг друга. Результативность тех и других велика в значительной мере оттого, что изучение единиц и их функционирования велось в единстве, то есть в соответствии с их природой. Языковые единицы всех уровней ученый рассматривает не только как единство значения и средств выражения (формы и содержания), но и как носители функциональных отношений — парадигматических и синтагматических — в еще доречевом, системно-языковом статусе. Иначе говоря, элементы языковой системы он изучает как коммуникативный материал.

Диалектика системного и функционального реализуется последовательно для единиц любого уровня. В речи единицы языка функциональные свойства не получают, а реализуют. Функциональными потенциями (функциональной валентностью) они обладают уже в языке.

Для Б.Н. Головина двуединства язык — речь и система — функционирование не совпадали, как совпадают до сих пор для некоторых исследователей [см., например, 11, с. 4, 11–12, 15], а члены этих двуединств не только различны, но и близки, как взаимообусловленные. Для ученого и язык и речь — единство системного и функционального.

Убедительна типология языкового функционирования, предложенная ученым.

Функционирование языковых единиц в процессе (и для) образования речи Б.Н. Головин называет внутриязыковым и выделяет две его разновидности — структурно-речевое («применение единиц и категорий языка в построении речи» [2, с. 256]) и структурно-языковое — участие единиц языка в построении других (более сложных) единиц.

Оба эти аспекта языкового функционирования определяются самой организацией языка (и определяют эту организацию), они реализуют конструктивную функцию языковых единиц в самом языке и в речи. Здесь органичное единство

системного и функционального в самом устройстве языка как механизма общения.

Но тексты, речевая форма которых состоит из единиц языка, организованных по его законам, создаются (в результате речемыслительной деятельности) для отражения внешних по отношению к языку систем. Следовательно, единицы языка, находясь в текстах, включены вместе с ними во внеязыковое функционирование — «функционирование по отношению к иным, неязыковым структурам, то есть по отношению к материальному предметному миру, обществу и человеческому сознанию» [2, с. 256].

Б.Н. Головин выделяет три типа такого функционирования: объектное («отображение и моделирование языком и речью объектного вещного мира» [2, с. 256], субъектное («это функционирование создает модели человеческого сознания и его «составной части» — мышления» [2, с. 257], и прагматическое («функционирование в среде людей, по отношению к людям, «внутреннему» и внешнему поведению» [2, с. 258]. Каждый из этих аспектов функционирования последовательно рассматривается в плане собственно языка и в плане речи.

Таким образом, функционирующая система общения в двух ее коммуникативных состояниях включена в функциональные отношения с системами действительности и сознания. Опять единство системного и функционального, но уже не в устройстве языка, а в его отношениях с системами действительности и сознания.

Принцип функциональной связи (и взаимообусловленности) языковых (речевых) явлений с внешними по отношению к ним системами действительности и сознания был положен в основу теории коммуникативных качеств речи.

Эта теория — одно из важных звеньев «лингвистики Б.Н. Головина». Теория речевой культуры — любимое детище ученого. Это почти единственная область знания (кроме общей теории), которой он занимался в той или иной степени всю жизнь.

Учение о культуре речи разработано как серьезная теоретическая наука.

Б.Н. Головин четко дефинировал, а значит, терминологизировал слова и выражения, которые издавна устойчиво употреблялись для оценки свойств речи. Само понятие «культура речи» было определено Б.Н. Головиным. Оно в трех взаимообусловленных значениях было четко отграничено от понятия «культура языка». Была сформирована система базовых понятий учения о культуре речи. Центральным понятием этой системы стало не понятие «норма», а понятие «коммуникативные качества речи». Объектом учения о культуре речи является именно речь (не язык) в ее объективных, важных для общения свойствах.

Очень существенным звеном теории коммуникативных качеств речи является обозначение условий их формирования (а значит, и понимания, изучения). Коммуникативные качества речи возникают как результат ее (речи) взаимодействия, связей с другими (неречевыми) явлениями. Отношение речи к языку, к действительности и сознанию (говорящего и адресата) — это теоретическое основание для выделения и описания качеств речи.

Б.Н. Головин обосновал принцип системности коммуникативных качеств речи, дефинировал и описал важнейшие из них.

К сожалению, до сих пор встречаются определения культуры речи как чисто прикладной науки, во многих работах по культуре речи до сих пор термины, номинирующие коммуникативные качества речи, употребляются без определений или с определениями, явно неудовлетворительными. Попытки обозначить при

описании хотя бы некоторые связи коммуникативных качеств друг с другом очень редки.

Значительны заслуги Б.Н. Головина в области стилистики. Идею функциональности стилей Б.Н. Головин дополняет идеей вариантности как универсального языкового принципа. Проблемы стилевой дифференциации он тоже преломляет через идею языка — речи: характер взаимоотношения стилей языка и стилей речи, по убеждению ученого, изоморфен характеру связи языка и речи. Стили языка — это структурно-функциональные варианты литературного языка, стили речи — варианты языковых стилей, то есть варианты варианта. Варьирование литературного языка (стили языка) и варьирование речи (стили речи) мотивированы извне (экстралингвистически). Но стили языка — результат воздействия на язык типовых ситуаций общения (типы социальной деятельности), а стили речи — результат воздействия на речь более частных и более конкретных условий общения (тематических, жанровых, индивидуально-авторских, ситуативных и др.).

Стили как варианты языка и речи имеют, по мнению Б.Н. Головина, количественно-качественную природу: различие между ними не только в составе, «наборе» языковых единиц (структурные), но и в степени активности общих для всех стилей (нейтральных) единиц и категорий. Разработанный ученым вариант статистической методики особенно успешно и широко используется для изучения функциональных стилей (стило статистика).

Глубоко разработаны Б.Н. Головиным и более частные проблемы стилистики: он убедительно доказывал стилевой статус языка художественной литературы, обозначил возможные направления его лингвистического исследования, определил сущность и природу термина. Условия оптимального функционирования научной терминологии Б.Н. Головин изучал, в частности, и в аспекте повышения культуры научной речи.

Учение о коммуникативных качествах речи и теория функциональных стилей в работах профессора Б.Н. Головина сопряжены, в единстве своем представляя непротиворечивую, оригинальную концепцию функционального плана языка.

Таким образом, в системе общетеоретических представлений Б.Н. Головина наиболее важными, определяющими именно целостность его исследований, являются, на наш взгляд, следующие:

- четкое видение всех составляющих системы словесной коммуникации, их строгое терминовое;
- понимание языка и речи как двух коммуникативных состояний «механизма общения»;
- определение объекта лингвистики на основе четкого разграничения языкового и неязыкового в системе словесной коммуникации;
- разграничение языкового значения и неязыкового смысла и признание нелингвистичности текста как следствие этого разграничения;
- понимание языка как функционирующей системы, т.е. включение понятия системности в понятие функциональности и наоборот;
- понимание знаковости как важнейшего функционального свойства языковых единиц всех уровней;
- понимание языка как «системы систем» не только в плане его организации (уровней языка), но и в плане его функционирования (формы существования языка, функциональные стили и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. *Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание. М., 1979.
3. *Головин Б.Н.* «Лингвистика текста» или «лингвистика речи»? // Термины в языке и речи: Межвуз. сб. Горький, 1984.
4. *Головин Б.Н.* Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопросы языкознания. 1976, № 3.
5. *Головин Б.Н.* Об изучении языка художественных произведений // Вопросы стилистики. Вып. 1. Саратов, 1962.
6. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1988.
7. *Головин Б.Н.* Основы теории синтаксиса современного русского языка. Н. Новгород, 1994.
8. *Головин Б.Н.* Язык художественной литературы в системе языковых стилей современного русского литературного языка // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. Саратов, 1978.
9. *Горшков А.И.* Теоретические основы истории русского языка. М., 1983.
10. *Кожина М.Н.* Статус стилистики в современном языкознании // Статус стилистики в современном языкознании: Тезисы докладов. Пермь, 1990.
11. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М., 1983.
12. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
13. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М., 1982.
14. Русский язык. Энциклопедия. М., 1970.